

В.М. Головки

**КНИГА В ИСТОРИИ ИДЕЙНО-ТВОРЧЕСКОГО
САМООПРЕДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ
Я.В. АБРАМОВА (НА МАТЕРИАЛЕ АРХИВНЫХ
РАЗЫСКАНИЙ) СТАТЬЯ 1. РОЛЬ КНИГИ
В ФОРМИРОВАНИИ ТВОРЧЕСКОЙ
ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ НАРОДНИЧЕСКОГО ИДЕОЛОГА
И ПИСАТЕЛЯ Я.В. АБРАМОВА**

***Аннотация.** На материале архивных разысканий анализируется круг чтения писателя, теоретика реформаторского народничества 1880–1890-х гг. Я.В. Абрамова периода формирования его мировоззрения и идейно-творческих позиций. Устанавливается роль книги в определении им стратегий и форм просветительской «работы в народе».*

Ключевые слова: Я.В. Абрамов, легальное народничество, становление идеолога, книга, демократизм, просветительство.

Культурно-историческое наследие выдающегося общественно-литературного деятеля России 1880-х – начала 1900-х гг. Якова Васильевича Абрамова (1858–1906) системно начало изучаться только с конца XX столетия. В соответствии с идеологическими стереотипам историографии советского периода в гуманитарной науке тех лет доминировали негативные оценки движения «либерального народничества» 1880–1890-х гг., к которому вполне закономерно причислялся и Я.В. Абрамов (см., например: [1. С. 286]). Но даже по сравнению со многими теоретиками легального народничества этого времени, например С.Н. Кривенко, Н.К. Михайловским, И.И. Каблицем-Юзовым, В.П. Воронцовым и др., Абрамову «повезло» меньше всего: в исследовательских работах ему, как правило, почти не уделялось специального внимания. На протяжении долгих десятилетий не рассматривался миф об Абрамове как создателе «теории малых дел», а широко распространившийся термин «абрамовщина» использовался для дискредитации «великой культурной работы», которой всю свою

недолгую жизнь посвятил этот народнический идеолог, обосновывавший концепцию мирного постепенного общественного развития страны. А между тем с именем Абрамова непосредственно связан второй этап «хождения в народ», т.е. широкое движение демократической интеллигенции 1880–1890-х гг., ставившей перед собою задачи «распространения технических сведений в народе, подъёма производительности народного труда... народно-просветительской, организационно-врачебной и иного вида культурной деятельности» в земских учреждениях [2. С. 214]. Это движение нашло отражение в литературе последних десятилетий XIX в., в частности, в таких произведениях А.П. Чехова, как «Дом с мезонином» и «Моя жизнь».

Кардинальные изменения, характерные для современной исследовательской парадигмы в изучении истории русского реформаторского, легального народничества 1880–1890-х гг. (работы учёных-историков В.И. Харламова, В.В. Зверева, Г.Н. Мокшина и мн. др.), определили актуальность историко-функционального анализа роли творческой индивидуальности Я.В. Абрамова в общественно-литературном процессе конца XIX – начала XX в. и способности культурного наследия великого просветителя отвечать на вызовы нового времени. Именно эти проблемы освещаются в новейших исследованиях общественно-литературной деятельности Я.В. Абрамова, его места в истории народнического движения, его роли в развитии культуры и общественной мысли в России (см.: [3]). С этой точки зрения большой научный интерес представляют недавно обнаруженные нами в Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК) и Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН материалы, проливающие свет на формирования мировоззрения и историю творческого становления российского просветителя. Архивные источники ГАСК, относящиеся ко времени обучения Абрамова в старших классах Ставропольской мужской классической гимназии (1873–1874) и Кавказской духовной семинарии (1875–1877), включают в себя дневник чтения будущего просветителя, его рабочие тетради, дневниковые записи, первые опыты драматических и прозаических литературных сочинений, эссеистику лирико-автобиографического характера, записи наблюдений над окружающей действительностью, этнографические зарисовки, письма самого Абрамова и его корреспондентов, статистические данные, почерпнутые из разных

источников, выписки из книг и исследований естественно-научного, философского и социально-политического характера. В этом архиве находятся также документы служебного расследования по «делу ученика Абрамова» в Кавказской духовной семинарии (1877), которое проводилось в связи с разбирательствами по поводу его попыток обновить систему семинарского образования и дополнить традиционные учебные планы изучением современной научной и социальной литературы [4]. В ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) сохранились материалы, подготовленные Абрамовым для словарной статьи о нём в первом томе «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней)» С.А. Венгера (СПб., 1889) (автограф автобиографии Я.В. Абрамова, библиографический листок, заполненный им, перечень его опубликованных работ до 1886 г. включительно) [5], не публиковавшиеся до сих пор письма Я.В. Абрамова к Г.И. Успенскому и документы, проливающие свет на определяющую роль Абрамова в издании книги «Памяти В.М. Гаршина. Художественно-литературный сборник» (СПб., 1889). Архивные материалы показывают, какую важную роль в интеллектуальном, духовном и социальном развитии будущего теоретика и практика культурнического течения в реформаторском народничестве сыграла книга.

Круг чтения юного Абрамова, как и в последующие годы его жизни, был чрезвычайно широк. Главным критерием оценки читаемых книг, как отечественных, так и переводных, – художественной, критико-публицистической литературы, разнообразных научных, научно-популярных, учебных изданий по богословию, фольклору, словесности, лингвистике, образованию, педагогике, философии, истории философии, антропологии, этике, социологии, мировой и российской истории, математике, химии, физике, биологии, физиологии, астрономии, геодезии, географии, политической экономии, статистике и т.д. – была их полезность для умственного, духовного, нравственного развития народа, доступность изложения массовому читателю, значимость для социокультурного прогресса в целом [4. Л. 183]. Работа с книгой у Абрамова имела систематический характер. Даже в период между обучением в гимназии и семинарии (ноябрь 1874 г. – август 1875 г.), когда он вынужден был «заботиться о куске хлеба» [Там же. Л. 129], в его дневниках фиксируются планы и задания для самостоя-

тельных занятий: «Достать: “Арифметику” Щеглова, “Географию” Ободовского, “Пространный Катехизис” Филарета, “Ботанику” Григорьева, “О геодезических инструментах” Ларионова или Болотова, “Басни” Крылова, “Грамматику” Антонова, “Историю России” Иловайского»; «Занятия: Выучить первоначальные молитвы. Повторить Ветхий и Новый завет. Выучить 10 басен Крылова. Повторить “Арифметику”. Повторить “Географию”. Повторить “Катехизис”. Повторить “Геометрию”. Повторить “Историю России”. Выучить “Ботанику-органографию”. Выучить употребление необходимых геодезических инструментов» [4. Л. 183 об.].

В отборе книг у Абрамова-читателя наблюдается определённая тенденция: в научной литературе доминировали естественно-научные исследования, в художественных и социологических изданиях – книги, в которых отчётливо выражалась прогрессивная социальная направленность и демократическая ориентация их авторов. Среди изданий по естественно-научному направлению преобладали монографии, статьи, пособия научно-популярного и учебного типа в области науки о Земле (А. Иванов [А.И. Стронин], А.В. Игнатович), астрономии (О.М. Митчель), общему естествознанию (А.Н. Острогорский, Г. Вагнер, А.А. Соколовский), биологии: ботанике (Э.-Г.-Ф.-А. Геккель), зоологии (А.Б. Ганике, А. Мильн-Эдварс), бактериологии и гигиене (Реклан, А.А. Соколовский), молекулярной биологии, биохимии, физиологии (Э.-Г.-Ф.-А. Геккель), анатомии (д-р Бон); по психологии (К.Д. Ушинский, Г. Ульрицы); по теории наследственности [Там же. Л. 54]; по физике (А.-М. Ампер, М. Фарадей, Дж. Тиндаль), кристаллофизике [Там же. Л. 214]¹; химии (О. Лоран, Ю. Либих, Ш.Ф. Жерар, С. Каниццаро, Э. Мариот(т), Ж.-Л. Ге(й)-Люссак, Й.Я. Берцелиус). В сфере точных наук Абрамовым изучались исследования и учебники по математике; в области филологии – учебные издания по лингвистике (Ф.И. Буслаев, П.М. Перевлесский, К.Д. Ушинский, В.Я. Стоюнин) и литературоведению (А.Д. Галахов, В.Я. Стоюнин); по общественным наукам – труды европейских просветителей, социологов, социалистов Ш. Монтескьё, Ш. Фурье, Луи Блана, Ф. Лассалья, исследования в области истории философии (В. Бауэр),

¹ Примечательно, что апогей исследований в области кристаллофизики пришёлся уже на 1870–1880-е гг.

социальной философии (П. Линицкий), антропологии (П.-Ж.-Ж. Кабанис), натурфилософии (Г. Ульрицы), политики, истории (А.Е. Разин, Д.И. Иловайский и др.); по педагогике и образованию – труды прогрессивных учёных и практиков образования прошлых эпох и современников Абрамова (И.-Г. Песталоцци, Ф.-А.-В. Дистервег, К.Д. Ушинский, И.И. Паульсон, Р.Я. Вурст, Г. Лангеталь, С.А. Кемниц и др.); среди художественных и литературно-критических изданий особо выделяются книги и статьи писателей-демократов (Ф.Д. Нефёдов, А.И. Левитов, Н.В. Шелгунов, Д.И. Писарев, А.К. Шеллер-Михайлов и др.) [4. Л. 52–53, 141, 179, 183–190 об., 227–229].

В своеобразном дневнике чтения Абрамов давал оценки прочитанному. При этом не просто фиксировал свои впечатления и собственное отношение к тому или иному сочинению, а анализировал методологические установки автора, указывал на реальные возможности использования познавательных качеств данного типа издания в определенной читательской среде или в целях реализации образовательных потребностей формирующейся личности. Это было не только чтение для себя, оно предполагало дальнейшее распространение информации. Так, прочитав книги Германа Ульрицы «Бог и природа» (Казань, 1867), «Тело и душа: основания психологии человека» (СПб., 1869), в которых рассматривались вопросы материализма, науки и христианства, он записывает в 1876 г., со всей очевидностью дифференцируя материализм и позитивизм: «Самый лучший способ борьбы с человеческими заблуждениями состоит в том, чтобы строго логически развивать их и выводить из них все крайности, которые из них действительно следуют. Выставляя на вид те нелепости, к которым приводят заблуждения, мы тем самым поражаем и самые заблуждения. Этим-то способом и пользуется Ульрицы, поражая материализм и доказывая бытие духовного мира в первой книге из рассмотрения внешнего мира, а во второй при изучении индивидуальной жизни человека» [Там же. Л. 227]. Познакомившись с теорией солнечного луча М. Фарадея (История солнечного луча. Общепонятное изложение о свете / пер. с франц. СПб., 1871), Абрамов делает такое резюме: «Популярная книга, написанная живым, увлекательным языком, даёт очень обстоятельные сведения из оптики. Жаль только, что в текст внесены формулы, основанные на выводах алгебры, геометрии и тригонометрии и требующие от читателя для своего понимания знакомства с этими

науками. Таким образом, эти формулы, представляя собою только сухой и безынтересный балласт, делают эту прекрасную книгу не доступною для людей, не знакомых с высшею математикою» [4. Л. 228]. Всякий раз подчёркивая в своём дневнике 1873 г., что ясность изложения для массового читателя является неременным условием эффективности восприятия любого издания, Абрамов, высоко оценивает, например, книгу К.Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания. Антропологический очерк» (СПб., 1871) за то, что она «даёт ясную и верную картину психической жизни человека» и при этом написана «простым и доступным для людей» языком. Этим определяется её практическая значимость: книга, по словам Абрамова, «может служить прекрасным руководством и пособием при изучении психологии» [Там же. Л. 229]. Соответствие адресованности издания языку изложения и речевому жанру, избранному автором, он рассматривал в качестве важного показателя эффективности его функционирования. Прочитав брошюру А.Ф. Игнатовича «Земля. Шарообразность земли. Движение Земли около своей оси. Движение Земли около солнца» (СПб., 1873), Абрамов записывает в своём дневнике: «Книга по своему изложению не понятна для народа, но очень полезна для школ и приготовительных классов» [Там же. Л. 189 об.]. Запись о книге В.А. Александрова «Труд кормит, а лень портит. Рассказ подмастерья» (СПб., 1865) сопровождается критическим замечанием: «Вещь натянутая, но имеющая успех у народа» [Там же]. «Истории философии в общепонятном изложении для образованной публики и для учащихся» В. Бауэра (СПб., 1866) он даёт свою оценку с точки зрения коммуникативных и образовательных возможностей данного издания: «Превосходное руководство и пособие при изучении “обзора философских систем”» [Там же. Л. 229].

Нередко Абрамов фиксировал в дневнике суть того, что заключает в себе тот или иной текст с точки зрения его социально-эстетических функций. Так, после прочтения книги писателя-народника Ф.Д. Нефёдова «На миру» (М., 1872), он формулирует главную идею рассказа-повести «Безоброчный» следующим образом: «Горькая участь крестьянина от притеснений кулака – богача – старшины»¹. «Бедствия

¹ Такая тема будет актуализирована Я.В. Абрамовым в его художественных произведениях начала 1880-х гг. («В степи», «Бабушка-генералыша», «Иван босый», «Ищущий правды» и др.).

народа много зависят от безграмотности», – делает вывод будущий просветитель, прочитав рассказ «Крестьянское горе». «Излишнюю религиозность» и «глупые суеверия» народа, показал, по его мнению, Нефёдов в рассказах «Иван воин» и «Леший обошёл» [4. Л. 189]. Основную идею рассказа «Дворянка» из «Степных очерков» А.И. Левитова (М., 1874. Кн. 1) Абрамов усмотрел в «гибельном влиянии городской жизни на мужика», а очерка «Расправа» – в том, что «пьянство и неумение уничтожить мироедство» является «злом» крестьянской жизни [Там же. Л. 190]. Изучив историческую литературу об эпохе реформаторских начинаний молодого Александра I, он сделал глубокий, проблемный вывод: «В основу государственной системы, созданной Сперанским, вошли централизация и бюрократизм» [Там же. Л. 142 об.].

Знания, почерпнутые из книг и журналов («Душеполезное чтение», «Учитель», «Дело» и др. [Там же. Л. 228, 141, 153–155]), расширяли эрудицию гимназиста и семинариста Якова Абрамова, повышали его академическую мобильность, обеспечивали высокое качество получаемого образования. В справке, выданной Кавказской духовной семинарией в 1877 г. ученику IV класса Абрамову, указывалось, что он «оказал следующие успехи в науках»: по «психологии – 5», по «обзору философских учений – 5», по «физике – 5» и т.д. [Там же. Л. 3]. Хотя некоторые учителя Абрамова-семинариста и считали, что его «особенные убеждения и деятельность... по своему характеру направляются не к целям образования и воспитания, какие должна преследовать Духовная семинария», они не могли не отмечать высокий уровень «умственного развития» юноши. А это, как и его «энергичный характер», способствовало достижению «успехов по предметам семинарского курса» [Там же. Л. 10, 96].

Абрамов читал не только отечественную и переводную литературу, но и на языках оригинала – английском и французском (сочинения европейских просветителей, книги о первых поселенцах в Северной Америке, об истории монархии во Франции и т.д.), хотя в гимназии из живых языков преподавался только немецкий. Имея по древним языкам отличные отметки и в гимназии, и в семинарии [6. Л. 92, 94], он отдавал предпочтение изучению современных иностранных языков. «Много столетий назад, – писал Абрамов в 1875 г., – в Европе не было собственной науки, и европейцы стали изучать древние языки. Но и теперь изучаются древние языки! Такова сила привычки. У нас нет

необходимости искать спасения в древнем мире. Мы должны изучать не латынь, а новые языки» [4. Л. 184]. Живая современность всегда была предметом его рефлексии, осуществляемой в разных формах бытования смыслов – художественной, публицистической, социологической.

Читательские интересы Абрамова охватывали широкую проблематику аналитических исследований обобщающего характера многих сфер современного социума. В 187–1875 гг. он с большим вниманием изучал статистические исследования д-ра А. Швабе, М. Вирта, О. Гауснера, К.-В. Бемерта, Легуа и др., которые публиковались как в виде отдельных изданий, так и на страницах ведущих российских журналов («Дело» и др.). Он тщательно фиксировал статистику по самым разным социальным показателям, сравнивая состояние общественно-экономического и культурного развития России и многих стран мира – Американских штатов, Бельгии, Испании, Италии, Швеции, Дании, Норвегии, Франции, Пруссии, Великобритании, Швейцарии и т.д. В объекте его внимания – сведения о рождаемости и смертности, в том числе о количестве незаконнорождённых детей, о количестве браков, о старении наций, о численности сословий, о продолжительности жизни в разных регионах, о влиянии на продолжительность жизни квартирных цен, о государственных доходах и расходах, о налоговых коэффициентах, о численности общеобразовательных, учреждений и учительских семинарий, о среднем количестве обучающихся на одну школу, о количестве школ, университетов, учеников и студентов, о расходах на образование в народных школах, о количестве обрабатываемой земли и десятин леса на одного жителя страны, о проценте грамотных солдат в национальных армиях, о ресурсах благотворительности и т.д. [Там же. Л. 153–156, 190–206].

Широкие читательские интересы и первые опыты библиографических и статистических обзоров Абрамова дали свои плодотворные, яркие результаты. Уже в зрелые годы народнический просветитель, вдохновивший в 1889 г. петербургского издателя Ф.Ф. Павленкова на создание серии «ЖЗЛ» («Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова»), напишет для этой, только что открытой серии 7 книг, среди которых – биографии Фарадея [7] и Песталоцци [8], восходящие по типу просветительской установки к читаемым им в юности книгам «История солнечного луча» (СПб., 1871)

и «Предметные уроки по мысли Песталоцци: Руководство для занятий с детьми» П.М. Перевлесского (СПб., 1873). Тем самым Абрамов осуществил мечту своего героя Григория Вострякова из рассказа «Мещанский мыслитель» (1881), который стремился «знакомиться с биографиями благодетелей человечества» – выдающихся писателей, учёных, общественных деятелей и т.д.: «Две черты особенно поразили Гришу во всех биографиях великих людей: постоянство и упорство, с которыми они преследовали раз намеченные цели, и страдания и преследования, которым они подвергались. Черты эти были общи всем биографиям и являлись чем-то необходимым в деятельности людей, вносящих новую мысль в мир». Герой рассказа «Мещанский мыслитель» «решился подготовить себя к предстоящей ему деятельности», выработав в себе по примеру «благодетелей человечества», «во-первых, умение вести дело проповеди любви, а во-вторых, способность переносить всякие страдания», поскольку «всем своим существом чувствовал»: «надо что-нибудь придумать» в целях приближения к идеалам гуманизма, правды и справедливости [9. С. 78]. В 1880-е гг. в журналах «Отечественные записки» и «Северный вестник» Абрамов будет «принимать постоянное участие в библиографических отделах» [5. Л. 1]. Увлечение статистикой также отозвалось в его работах разных жанров, некоторые из которых, приведённые самим Абрамовым в перечне опубликованных работ [Там же. Л. 1–4], до сих пор не учитывались в библиографических описаниях его трудов (см., например: [10]).

Будущий просветитель ещё в свои ученические годы неоднократно высказывался против ограничений в чтении, имея в виду прежде всего необходимость преодоления последствий схоластичности образования и невысокого качества обучения в гимназиях и других общеобразовательных учреждениях. Утверждение им тезиса «знание есть сила, бессилие – уже не знание» [4. Л. 169] отражало его устремленность к «идеалу человека», его глубокую веру в торжество разума, правды и справедливости. Достижению таких целей способствует, по глубокому убеждению Абрамова, освоение и развитие разных направлений научного знания, в первую очередь социальных и естественных наук. В этом сказывались последствия широкого распространения материализма (чаще всего в формах позитивизма) и увлечения точными и естественными науками (биология, химия, физиоло-

гия, эволюционная теория, социальный дарвинизм) в России, особенно в 1860-е гг., когда «все к естественным наукам в кабалу записались» [11. Т. 9. С. 168]. Связь «занятий естественными науками» с «благороднейшими убеждениями» [Там же. Т. 9. С. 316] общественного человека в разных аспектах освещалась в литературе середины и второй половины XIX в., в таких, например, эпохальных романах И.С. Тургенева, как «Отцы и дети» и «Дым». Вполне закономерным был тот факт, что после выхода из Кавказской духовной семинарии в 1877 г. Абрамов, будущий литератор, поступил в Петербургскую медико-хирургическую академию и, подобно тургеньевскому Базарову, «хотел держать на доктора» [Там же. Т. 8. С. 202]. В рабочих тетрадях Абрамова, относящихся, скорее всего, к 1874–1875 гг., приведены сведения, почерпнутые из доступных ему естественно-научных источников: о добычании водорода, кислорода и хлора, о формулах азота, бария, алюминия и т.д., о законах кратных отношений, пропорциональных чисел, о свойствах материи (расширяемость, упругость и т.д.), о рядах, имеющих одинаковые кристаллы (изоморфы), об отрядах позвоночных животных, инстинктах и т.п.

Высоко оценивая роль естественных и социальных наук, Абрамов-семинарист в 1875–1877 гг. выступил с инициативой дополнить предметы учебных программ духовной семинарии самостоятельным изучением литературы по этим направлениям и привлечь своих единомышленников из старших классов семинарии к проведению занятий с теми учениками первого и второго годов обучения, образовательные потребности которых выходили за рамки учебных занятий. Это стало одним из пунктов начатого в семинарии расследования «по делу Абрамова» в 1877 г. Абрамову было поставлено в вину то, что «не удовлетворяясь курсом наук семинарского образования», он захотел «просвещать... учеников I и II классов», приобщать их под его и «других избранных учеников IV-го и отчасти III класса» руководством к «чтению книг естественно-социального-научного содержания» [4. Л. 8]. В архивных материалах Кавказской духовной семинарии сохранился документ, в котором отмечалось, что ученика IV класса Абрамова «не удовлетворяет то печальное явление, что ученики Семинарии вообще имеют мало положительных знаний, а младшие, кроме того, слишком мало развиты» [Там же. Л. 23]. В результате организации им «штата учителей» в Кавказской духовной

семинарии, – как отмечал в своём заключении по «делу Абрамова» один из преподавателей, – «продолжалась пропаганда естествознания между семинаристами», ослаблялось внимание к предмету Священного писания [4. Л. 9]. Абрамов обвинялся в том, что в «усиленных занятиях естественно-математическими и социальными предметами» он «видел истинную основу умственного и нравственного развития», что стремился «возбудить в лучших учениках Семинарии... стремление» «бежать из... духовных заведений», «особенно по окончании курса IV класса, для поступления в университеты» [Там же. Л. 8, 9].

В свои ученические годы Абрамов, действительно, стремился доказать преимущество «книг естественно-научного содержания» [Там же. Л. 8] над художественной и прочей литературой. Тем не менее, в круг чтения Абрамова всегда входили произведения крупных русских (от Ломоносова до беллетристов-демократов 1860-х гг. – А.И. Левитова, Ф.М. Решетникова, В.А. Слепцова, Н.Г. Помяловского и др., а также писателей народнического круга – Г.И. Успенского, Ф.Д. Нефёдова) и зарубежных писателей XVIII–XIX вв. [Там же. Л. 8 об., 85, 145 об., 153–154, 193, 190–191 и др.]. В дневниковые тетради и записные книжки он вписывал стихотворения Жуковского, Пушкина, Лермонтова, М. Михайлова, делал выписки из произведений Шиллера, Альфреда Мейснера [Там же. Л. 73–78] и т.д. Совершенно особой областью творческой деятельности Абрамова 1874–1877 гг. являются его первые литературные опыты – небольшие драматические произведения «Смотрины. (Сцены с натуры)», «Перелом», «Современное семейство», драматический набросок «Современный и отсталый. (Сцены)» [Там же. Л. 57–63, 185–186; 133–135, 146; 157–161, 136–140; 132], написанные в традициях комедий А.Н. Островского, образцы автобиографической лирической прозы – «Сон», «Был осенний туманный день» [Там же. Л. 173–177; 179 об.–180], которые остаются пока не опубликованными.

Почему же, имея очевидную склонность и предрасположенность к литературному труду, юный Абрамов отдавал – с точки зрения познавательных ресурсов и рецепционных качеств – явный приоритет научным текстам над «романами», над художественными произведениями? Свою позицию по этому вопросу он аргументировал в письме к выпускнику Кавказской духовной семинарии Дементьеву, сохранившемся в архиве Кавказской духовной семинарии. Рассматривая в

качестве примера популярный в 1870-е гг. роман Ф. Шпильгагена «Один в поле не воин», в переводе на русский язык опубликованный в 1868 г., Абрамов доказывал: для того, чтобы понять смысл этого произведения, «надо хоть бы в общих чертах быть знакомым с рабочим вопросом», т.е. познакомиться с научными или публицистическими текстами, такими как «Пролетариат во Франции» и «Ассоциации» А.К. Шелера-Михайлова. «Если же человек приступает к чтению упомянутого романа без предварительного ознакомления с рабочим вопросом, – писал Абрамов, – то он вынесет пользы из своего чтения нуль. <...> А если человек ещё до чтения романа ознакомился с рабочим вопросом, то и в этом случае он не вынесет никакой пользы, так как не найдёт в романе ничего нового о рабочем вопросе и только прочитает на 800–900 страницах то, что он прежде прочитал на 50–100 страницах» [4. Л. 115].

С одной стороны, в такой недооценке возможностей художественного познания выразилась глубокая уверенность Абрамова в силу научного знания, что, безусловно, отражало доминантные тенденции в развитии общественного сознания в России последних десятилетий XIX в. С другой – становится очевидным, что уже в процессе поиска форм самоактуализации в общепольной деятельности будущий теоретик и практик легального народничества делает ставку на те формы и методы реального воздействия на человека и общество, которые непосредственно, прямо нацелены на осуществление задач социального, нравственного и общекультурного прогрессивного развития. Для объективной оценки мировоззренческих и творческих позиций Абрамова надо иметь в виду и тот факт, что ко времени начала его общественно-литературной деятельности изменилась социокультурная ситуация в России: если литература на протяжении многих десятилетий XIX в. являлась ведущей формой общественного сознания, то с 1880-х гг. явно обозначился процесс её десакрализации. Эти процессы ощущались будущим сотрудником «Отечественных записок», «Усто-ев», «Недели», «Северного вестника» и других центральных периодических изданий, и не случайно собственно литературное творчество этого писателя относится только к первой половине 1880-х гг., а в дальнейшем приоритетными для него видами творческой деятельности стали публицистика, литературная критика, жанры научно-популярной и документальной литературы. И в собственно литературном его творчестве

всегда преобладали публицистические формы социологической объективации (см.: [12. С. 204–225]).

Уже в ранней юности Абрамов в полной мере осознавал значение образования и культуры для мирного прогресса и утверждения общественных свобод, уже тогда он связывал задачи прогрессивного движения России с умственным и нравственным развитием народа, с «борьбой с человеческими заблуждениями», с нищетой и бесправием широких народных масс, с «неумением уничтожить мироедство» [4. Л. 227, 179, 190].

Работа с книгой во многом определила многие направления и аспекты его будущей общественно-литературной деятельности. Рассматривая роль чтения в становлении идеолога культурнического течения в русском легальном народничестве, можно сделать следующие выводы.

1. Абрамов уже в преддверии своей общественно-литературной деятельности актуализировал социальные и просветительские функции литературы, связывая прогрессивное развитие России с приобщением народа к образованию и культуре. Определяя собственную стратегию самоактуализации в общепольной деятельности, он целенаправленно формировал свой круг чтения, свидетельствующий о широте его интересов и комплексном подходе в освоении научных знаний.

2. Сохранившиеся дневники, рабочие тетради, выписки из прочитанных книг, библиографические и статистические обзоры юного Абрамова дают представление о формировании его мировоззрения, его демократических убеждений, о том, что обусловило в дальнейшем его сближение с народническим движением, определило характерное для него единство слова и дела, т.е. теоретическое обоснование и практическое осуществление социокультурной программы «работы в народе».

3. Как писатель-народник в литературном творчестве Абрамов развивал традиции читаемых им в юности беллетристов-демократов А.И. Левитова, Ф.Д. Нефёдова, Ф.М. Решетникова, Н.Г. Помяловского, В.А. Слепцова, Г.И. Успенского и др., значительно обогатил эстетику их просветительского реализма. Книги этих писателей будут читать и «мещанские мыслители» – герои его художественных произведений, написанных в самом начале 1880-х гг. (см.: [9. С. 73]). На

опыт авторов различных научно-популярных изданий Абрамов опирался в своей работе по созданию книг и брошюр для народного чтения по естественным наукам, юриспруденции, сельскому хозяйству, истории литературы, языкознанию и т.д. Такие его работы, как «Микроскопические друзья и враги человека» (СПб., 1898), «Новейшие успехи знания. Популярные очерки» (СПб., 1890), «Вселенная. Популярно-астрономический очерк» (СПб., 1900) и мн. др., напоминали по типу авторской интенции читаемые им в юности сочинения Тиндаля, Ульрицы, Митчеля, Ушинского, Игнатовича, Вагнера, отражали при этом новейшие достижения научного знания.

4. Интерес к проблемам истории педагогики и образования в дальнейшем определил многие стороны деятельности Абрамова: он всемерно способствовал активизации народного, в том числе женского, образования, распространению воскресных школ, открытию по всей стране бесплатных народных библиотек, распространению практики книгоиздания в целях раскрепощения духовных сил народа, создавал методические руководства для школьного изучения и преподавания математики и русского языка, вместе с писателем-классиком В.М. Гаршиным и педагогом А.Я. Гердом и др. составил и издал «Обзор детской литературы за 1885–1888 гг.» [13], с 1895 по 1905 г. в журнале «Русская школа» вёл «Хронику народного образования» и «Хронику народных библиотек».

Круг чтения, во многом определивший тенденции формирования мировоззрения и творческой индивидуальности Я.В. Абрамова, фиксирует истоки демократического просветительства будущего народнического мыслителя и проповедника, даёт представление о том, что помогло ему, говоря его собственным языком, принести «гуманную пользу России», обрести ту «могучую силу и по умственным способностям, и по характеру» [14. С. 76], которая обеспечила в последующие годы высокое качество его просветительской «работы в народе».

Литература

1. М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М. : ГИХЛ, 1957. 878 с.
2. Абрамов Я. Малые и великие дела // Книжки Недели: Ежемесячный литературный журнал. 1896. № 7 [Июль]. С. 214–227.

3. Абрамов Яков Васильевич: Биобиблиографический указатель (1880–2017 гг.) / составление, предисловие и вспомогательные указатели Г.Н. Мокшина; Воронежский государственный университет. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. 212 с.
4. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 91. Оп. 1. Д. 1964, связка 103. 230 л.
5. Рукописный отдел ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Ф. 377. Оп. 7. Д. 10. 4 л.
6. ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1818. Л. 91–94.
7. Абрамов Я.В. М. Фарадей: Его жизнь и научная деятельность. СПб. : Тип. газ. «Новости», 1892. 80 с. (ЖЗЛ; Вып. 61).
8. Абрамов Я.В. Песталоцци: Его жизнь и педагогическая деятельность. СПб. : Типо-лит. и фототип. В. И. Штейна, 1893. 88 с. (ЖЗЛ; Вып. 96).
9. Абрамов Я.В. Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии. Вып. 1. СПб. : С.-Петерб. губ. земство, 1882–1895. Крестьянское хозяйство в С.-Петербургском уезде. СПб.: С.-Петерб. губернское земство, 1887. Ч. 2: Очерк крестьянского хозяйства. XI. 320 с.
10. Федосеев [Абрамов Я.В.]. Мещанский мыслитель (сектант Григорий Петрович Востряков) // Слово. 1881. № 4. С. 65–91.
11. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. Сочинения. М. ; Л. : Наука, 1960–1968. Т. 1–15.
12. Головко В.М. Я.В. Абрамов: Мировоззрение. Метод. Поэтика. М. : Флинта; Наука, 2015. 304 с.
13. Абрамов Я.В. Обзор детской литературы за 1885–1888 гг. / Я.В. Абрамов, В.М. Гаршин, А.Я. Гердт и др. СПб. : Тип. Ю. Эрлиха, 1889. 70 с.
14. Федосеев [Абрамов Я.В.]. Механик. (Рассказ) // Устои. 1881. № 1. С. 49–77.

Books in the History of the Ideological and Creative Self-Determination of the Russian Enlightener Yakov Abramov (Based on Archival Research). Article 1. The Role of Books in the Formation of the Creative Individuality of Yakov Abramov, a Populist Ideologist and Writer

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2020, 22, pp. 72–88

DOI: 10.17223/23062061/22/5

Vyacheslav M. Golovko, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: vmgolovko@mail.ru

Keywords: Yakov Abramov, legal populism, formation of ideologist, book, democracy, enlightenment.

Based on the material of archival research, the author examines the reading circle and the role of books in shaping the worldview and the positions of the democratic enlightenment of Yakov Abramov. Abramov was a theorist and practitioner of a culturalist trend in the reformist populism of the 1880s–1890s, a prose writer and publicist. The author aims to determine the genesis of Abramov's educational intentions and his

philosophy of social evolutionism for his name and activities are connected with the second stage of the populist “going to the people”, “going to the great cultural work”. The origins of Abramov’s social programs and educational ideas are found in social, scientific and artistic literature, which he independently studied as a high school student and a student of the Caucasian Theological Seminary (1873–1877). Books played a decisive role in the ideological and creative development of the future populist ideologist. The main criterion for evaluating books was their usefulness for the mental, spiritual, moral development of the people, the availability of presentation, and the significance for the sociocultural progress of society as a whole. A certain tendency is observed in how Abramov selected books: natural scientific research dominated among scientific literature, while among fiction and sociological publications it was books in which their authors’ progressive social and democratic orientation were clearly expressed. Fixing the essence of what a text contains in terms of its social and aesthetic functions, Abramov analyzed the methodological guidelines of the authors, pointed out the real possibilities of using the cognitive qualities of a particular publication in a particular reading environment or in order to fulfill the educational needs of an emerging personality. From the point of view of epistemological resources and reception qualities in his youth, Abramov gave priority to scientific texts over fiction, which is explained by his belief in the power of scientific knowledge. Abramov relied on forms and methods aimed at accomplishing the tasks of socio-moral and general cultural progressive development, actualizing the genres of journalism, literary criticism, popular science and documentary literature. Wide readership in the field of research summarizing the nature of many spheres of modern society and the first experiments of Abramov’s statistical reviews yielded fruitful results: the populist educator would later inspire many publishing projects, including the Life of Remarkable People series, promote public education in every possible way, open libraries, publish popular science essays, brochures, books for national reading, statistical works, etc. Abramov’s reading circle of the time when his democratic worldview had been shaping largely determined the connection between the theoretical substantiation and the practical implementation of the sociocultural program of “work among the people”.

References

1. Golubov, S.N., Gudziya, N.K. & Makashin, S.A. (eds) (1957) M.E. *Saltykov-Shchedrin v vospominaniyakh sovremennikov* [M. E. Saltykov-Shchedrin in the memoirs of contemporaries]. Moscow: GIKhL.
2. Abramov, Ya. (1896) *Malye i velikie dela* [Small and great deeds]. *Knizhki Nedeli: Ezheimesyachnyy literaturnyy zhurnal*. 7. pp. 214–227.
3. Mokshin, G.N (2017) *Abramov Yakov Vasil'evich: Biobibliograficheskiy ukazatel' (1880–2017 gg.)* [Abramov Yakov Vasilievich: A bibliographic index (1880–2017)]. Voronezh: Voronezh State University.
4. The State Archive of the Stavropol Territory (GASK). Fund 91. List 1. File 1964, pack 103. 230 l.

5. The Manuscript Department of the IRLI RAS (The Pushkin House). Fund 377. List 7. File 10. 4 l.
6. The State Archive of the Stavropol Territory (GASK). Fund 91. List 1. File 1818. pp. 91–94.
7. Abramov, Ya.V. (1892) *M. Faradey: Ego zhizn' i nauchnaya deyatel'nost'* [M. Faraday: His life and scientific activity]. St. Petersburg: Tip. gaz. “Novosti”.
8. Abramov, Ya.V. (1893) *Pestalotsti: Ego zhizn' i pedagogicheskaya deyatel'nost'* [Pestalozzi: His life and teaching]. St. Petersburg: Tipo-lit. i fototip. V. I. Shteyna.
9. Abramov, Ya.V. (1882–1895) *Materialy po statistike narodnogo khozyaystva v S.-Peterburgskoy gubernii* [Materials on the statistics of the St. Petersburg province economy]. Issue 1. St. Petersburg: S.-Peterb. gub. zemstvo.
10. Fedoseevets [Abramov, Ya.V.]. (1881) Meshchanskiy myslitel' (sektant Grigoriy Petrovich Vostryakov) [Philistine Thinker (Sectarian Grigory Petrovich Vostryakov)]. *Slovo*. 4. pp. 65–91.
11. Turgenev, I.S. (1960–1968) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 28 t.* [Complete Works and Letters]. Vol. 1–15. Moscow; Leningrad: Nauka.
12. Golovko, V.M. (2015) *Ya.V. Abramov: Mirovozzrenie. Metod. Poetika* [Ya.V. Abramov: Worldview. Method. Poetics]. Moscow: Flinta; Nauka.
13. Abramov, Ya.V., Garshin, V.M., Gerdt, A.Ya. et al. (1889) *Obzor detskoy literatury za 1885–1888 gg.* [A review of children's literature for 1885–1888]. St. Petersburg: Tip. Yu. Erlikha.
14. Fedoseevets [Abramov, Ya.V.]. (1881) Mekhanik. (Rasskaz) [Mechanic. (Story)]. *Ustoi*. 1. pp. 49–77.